

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Багдасарян Анаит Артуровна

**Современные религиозные практики армян
(на примере Нагорного Карабаха)**

Специальность – 07.00.07 этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре этнологии исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **Махмудова Зоя Увайсовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Тер-Саркисянц Алла Ервандовна	д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
Крылов Александр Борисович	д.и.н, заведующий сектором Кавказа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Муханов Вадим Михайлович	к.и.н, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО

Защита состоится «__» _____ 2018 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета МГУ.07.03 по археологии; этнографии, этнологии и антропологии при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ауд.А-416. Email: faculty@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»:

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент
Е.А. Попова

Общая характеристика исследования

Актуальность темы исследования обусловлена той значительной ролью, которую играла и продолжает играть Армянская апостольская церковь (ААЦ) и в целом религия (христианство) в истории и культуре армянского народа. Армянская апостольская церковь, одна из древнейших в мире, формировалась как самостоятельная автокефальная национальная церковь. В работах по истории и этнокультурной динамике утверждение о том, что принадлежность к ААЦ является неотъемлемой частью армянской идентичности, давно уже стало частью исследовательской парадигмы. Действительно, религия, культура, идентичность и коллективная память образуют основу армянской культуры и как бы сливаются воедино. Этот сплав религиозных и культурных ценностей передается из поколения в поколение через семью и церковь, то есть существует как константа общественного сознания и социального бытия для множества армян. Нельзя не отметить, что в диаспоре армянская церковь – это не просто религиозное учреждение, а некая «армянская территория», место, где можно встретиться с соотечественниками, обсудить дела общины или просто поговорить на родном языке.

Актуальными остаются вопросы, связанные с взаимодействием политической власти и религиозных институтов. Это взаимодействие сохранялось даже в советскую эпоху прокламированного атеизма: от глав религиозных деноминаций, и в том числе от армянского католикоса, ждали не только лояльности режиму, но и достойного представления Советского государства за границей. После распада СССР в реалиях независимых республик церковь продолжала участвовать в политическом процессе и общественной жизни.

Нагорный Карабах – регион, который в силу исторических, политических и географических особенностей обладает определенной культурной спецификой в разных аспектах. Это касается и положения армянской церкви (наличие собственной церковной традиции) и развития армянской культуры. Исторически

(до известных событий, связанных с Карабахским конфликтом) население Карабаха было многонациональным.

Религиозные практики – обусловленные религиозными чувствами действия, которые совершаются человеком в его повседневной жизни. Такие практики могут признаваться или не признаваться церковью. Кроме того, они подвержены изменениям под влиянием собственного «религиозного творчества» людей или под влиянием внешнего воздействия (например, властных или церковных установлений).

Более широкий контекст, в который естественным образом вписывается тема диссертации, – природа религиозных процессов на постсоветском пространстве, которые включают как десекуляризацию, так и «расцерковление», когда люди считают себя верующими, но не хотят принадлежать к какой-либо церкви¹.

Исследование религиозных практик армян Нагорного Карабаха дает возможность поставить вопросы о динамике и особенностях религиозного сознания в ключе исторической компаративистики и при этом показать важные особенности религиозной жизни локализованного в небольшом регионе общества.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX века до начала XXI века. На этом большом отрезке времени можно выделить несколько ключевых рубежей в истории Карабаха. Период до радикальной ломки социально-экономических, политических и культурных основ Российской империи можно считать своего рода «предысторией». Краткое рассмотрение этнокультурных характеристик армянского населения на этом отрезке имеет значение для «вхождения в тему», определения основных позиций для исследования интересующего нас главного сюжета.

События 1917 г. и установление советской власти в Закавказье в 1921 г. определили важный рубеж в социокультурном развитии армян на территории России. В 1923 г. Нагорный Карабах был включен в состав Азербайджанской ССР

¹Фриз Г. «Понять церковь – значит понять народ...» Интервью // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 242-250

в качестве автономной области. Таким образом, говоря о советском периоде применительно к Карабаху, мы имеем в виду период от 1923 г. и до распада СССР в декабре 1991 г.

Трагические события конца 1980-х годов в Нагорном Карабахе стали временем, когда определились основные векторы эволюции как ААЦ, так и состояния религиозного сознания армян. Это, в свою очередь, задало формат современного положения Арцахской епархии ААЦ, отношение к ней местного населения, равно как и показало сферы взаимодействия «официальной» церкви с народными религиозными практиками, бытующими в последние годы.

Географические рамки исследования. В настоящем исследовании Нагорный Карабах рассматривается прежде всего как историко-этнографическая область. Население Карабаха в 2015 г. составляло 140535 человек². Основным языком местного населения – армянский³.

Степень изученности темы. Исследование опирается как на специальные работы, так и на широкий кругобщих публикаций по антропологии религии, на общенаучную и специализированную литературу, важную с точки зрения методологии и методики предпринятого исследования.

Все работы поделены на несколько групп. В первую группу включены **исследования по антропологии религии**. Поскольку это обширная область, выделены работы, посвященные исследованиям народной религиозной традиции на примере России.

Одним из первых крупных русскоязычных исследований локальных святынь является работа А.А. Панченко⁴, много лет посвятившего изучению традиции почитания святых мест в контексте «народного православия». Он ввел в научный оборот понятие «деревенские святыни», которым обозначает всякие «почитаемые ландшафтные объекты, не предусмотренные канонических церковным обиходом

²Перепись населения 2015 г. URL: <http://www.stat-nkr.am/ru/-2015/-2015>

³Историческая и культурная специфика региона подробно описана в обобщающей работе А.Е. Тер-Саркисянц (Тер-Саркисянц А.Е. Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. – 918 с.)

⁴Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада России. СПб., 1998

и, в то же время, играющие существенную роль в традиционной религиозной практике крестьянина»⁵. А.А. Панченко видел свою основную цель в определении функций деревенских святынь в культуре. Похожая тематика рассмотрена в исследованиях А.В. Курбатова⁶, М. Беннета⁷ и А.Б. Островского⁸, Е.В. Платонова⁹, А.Б. Мороза¹⁰, в коллективной монографии, обобщающей опыт исследования святых мест Пинежья¹¹.

Среди обобщающих исследований по изучению «народной религиозности» можно выделить сборники статей по антропологии религии «Религиозные практики в современной России»¹², «Сны Богородицы»¹³ и «Изобретение религии»¹⁴, последний посвящен по большей части процессам десекуляризации на постсоветском пространстве.

Следующую группу составляют **работы, посвященные изучению религиозных верований и практик в кавказоведении**. Интерес к религии в виде традиционных верований и культов, «пережитков» древних, дохристианских или доисламских, представлений был характерной чертой советского кавказоведения и занимал главенствующее положение в исследованиях духовной культуры народов Кавказа¹⁵. Этот интерес сохраняется и в наши дни.

Кампании по антирелигиозной пропаганде, в особенности в довоенный период, породили множество значимых трудов, написанных на основе полевых исследований. В их ряду можно выделить двухтомник «Религиозные верования

⁵Там же. С. 12

⁶Курбатов А.В. Практика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5

⁷Беннет М. Вода жизни и здоровья: культ колодцев в Шотландии // ЭО. 1995. № 1

⁸Островский А.Б. Святые ключики Ветлужского края: преемственность благочестия в XX в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004

⁹Платонов Е.В. Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России // ЭО. 2011. № 3

¹⁰Мороз А.Б. Святые Русского Севера. М., 2009.

¹¹Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (Материалы и комментарии). М., 2009

¹²Религиозные практики в современной России. М., 2006

¹³Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб., 2006

¹⁴Изобретение религии. Десекуляризация в постсоветском контексте // науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб., 2015

¹⁵Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М.: Наука, 1992. С. 120

народов СССР» (1931 г.)¹⁶, подготовленный сотрудниками Центрального музея народоведения. Он стал первым советским коллективным трудом по изучению религий и положил начало изучению традиционных верований народов СССР¹⁷.

Исследователи настаивали на самом тщательном изучении всей сложности религиозной жизни. Однако сюжеты бытования религии в социуме были актуальны не только, а порой и не столько для науки, сколько для политической работы в духе «воспитания нового человека» во времена советской власти. Примером может послужить двухтомник «Народы Кавказа» из серии «Народы мира: Этнографические очерки», который был подготовлен Институтом этнографии АН СССР совместно с сотрудниками местных институтов¹⁸ (Т. I. М., 1960; т. II. М., 1962).

В последние годы внимание отечественного этнографического кавказоведения было сосредоточено на изучении ислама в республиках Северного Кавказа как самого мощного комплекса феноменов и процессов, влияющих на социальную жизнь. В поле зрения авторов закономерно попадали вопросы трансформации и роли ислама на Северном Кавказе, развития традиционного для этого региона суфийского ислама и его сложном противостоянии с распространявшимся с 1970-х гг. «ваххабизмом» (последний термин также является предметом историографических дискуссий¹⁹). Сместился вектор оценки культа святых мест и святых – вместо «пережитков» прошлого они стали рассматриваться как часть суфийской практики, «которая включала в себя культ предков и святых, анимистические и магические представления»²⁰. Тема радикализации ислама раскрывается во втором выпуске серии «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира»²¹, который

¹⁶ Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов/Под общ. ред. В.К. Никольского. М.-Л.: Московский рабочий, 1931. В 2-х тт.

¹⁷ Шахнович М.М. Очерки по истории религиоведения. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. С. 189-190

¹⁸ Народы Кавказа/Под общ. ред. С.П. Толстова. М., 1960. Т. I. М., 1962. Т. 2

¹⁹ Кисриев Э. Идеологический смысл и социальное содержание исламских течений тарикатизма и ваххабизма в Дагестане//Ислам в Европе и в России. М., 2009

²⁰ Там же. С. 184

²¹ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Выпуск 2. Северный и Южный Кавказ. М.: Институт Африки РАН, 2017

посвящен Северному и Южному Кавказу. В работе рассмотрены как общие причины возникновения исламистских движений, так и анализ опыта разных республик кавказского региона.

Исследование религиозных практик неразрывно связано с изучением праздничной культуры. Примером может послужить статья В.Н. Басилова и В.П. Кобычева²², где представлено описание (основанное на полевых наблюдениях) и анализ осетинского праздника в честь патрона селения Лесгор (Северная Осетия) – св. Николая.

В серии Института этнологии и антропологии РАН вышло несколько томов серии «Народы и культуры», посвященных народам Кавказа. Это «Народы Дагестана» (2002), «Армяне» (2012), «Осетины» (2012), «Чеченцы» (2012), «Ингуши» (2013), «Карачаевцы. Балкарцы» (2014). «Грузины» (2014). Во всех этих книгах так или иначе отражены религиозные представления и духовная культура.

В обширном исследовании этнографии абхазов (также серия «Народы и культуры») А.Б. Крылов²³ предлагает интересный взгляд на соотношение языческих, христианских и мусульманских черт в религиозных верованиях и практиках этого народа: две крупнейшие мировые религии, по сути, не заняли сколько-нибудь значимое место в жизни абхазов – «в реальности абхазские “христиане” и абхазские “мусульмане” исповедуют одну религию – традиционную религию своих предков, которая представляет собой автохтонную религию, которая сложилась у абхазов в процессе их исторического развития без формообразующего воздействия мировых религий»²⁴.

Религиозность кавказских народов ныне представляет собой сложный комплекс явлений разного порядка. В. Бобровников рассматривает эту проблему на примере почитания святых у рутульцев²⁵. Брюс Грант (США, Нью-Йоркский

²²Басилов В.Н., Кобычев В.П. Николаи кувд (осетинское празднество в честь патрона селения)//КЭС. М., 1976. Вып. 6

²³Крылов А.Б. Современная религиозная ситуация//Абхазы/Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М., 2007. С. 367-381

²⁴Там же. С. 379

²⁵Бобровников В. Родовые святилища рутульцев: гибридная религиозность у мусульман Дагестана//Религиозные практики в современной России/Отв. Ред. А. Агаджанян, К. Русселе. М.: Новое издательство, 2006. С. 235-253

университет) посвятил свое исследование локальным святыням в Азербайджане – *пирам*²⁶. Изучая социальное бытование этих святынь в советский период, он концентрируется на том, как они создавали альтернативный путь к религиозности.

Статья С.А. Штыркова²⁷ посвящена интересному культурному феномену, возникшему под влиянием социальных экспериментов советской власти – «изобретению» и внедрению новых традиций. В качестве примера он рассматривает Северо-Осетинскую АССР. Им описано бытование таких ритуалов, как «комсомольские свадьбы» или «посвящение в джигиты». Одной из новейших работ в области кавказоведения является том «Азербайджанцы», который вышел в 2017 году в рамках серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН²⁸.

В отдельную группу были выделены **исследования по арменоведению**. В первую очередь упомяну работы этнографа и археолога Ерванда Лалаяна (1864-1931) – одного из основоположников этнографической науки в Армении. Для настоящего исследования важны прежде всего три его работы – «Варанда»²⁹, «Гавар Гандзак»³⁰, «Зангезур»³¹, которые выходили в основанном им первом этнографическом журнале на армянском языке «Азгаграканһандес» («Этнографический журнал»), а также в виде отдельных публикаций (см. сноски).

Работы еще одного классика армянской этнографии, Степана Даниловича Лисициана (1865-1947), связаны с традиционными верованиями и реконструкцией древних религиозных представлений. Исследование «Армяне Нагорного Карабаха»³² было написано по материалам экспедиции 1924 г. в Нагорный Карабах, Нагорный Курдистан и Зангезур (современный марз Сюникв Армении). Верованиям посвящена одна из глав. Автор приходит к выводу, что

²⁶Grant B. Shrines and Sovereigns: Life, Death and Religion in Rural Azerbaijan // Comparative Studies in Society and History 2011; 53 (3): 654–681

²⁷Штырков С.А. Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской АССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 209-246

²⁸Азербайджанцы / отв. ред. А. Мамедли, Л.Т. Соловьева; ИЭА РАН; Национальная академия наук Азербайджана. М.: Наука, 2017

²⁹Лалаян Е.А. Варанда. Тифлис, 1898

³⁰Лалаян Е.А. Гавар Гандзак. Тифлис, 1900

³¹Лалаян Е.А. Гавар Зангезур. Тифлис, 1899

³²Лисициан С.Д. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван: Издательство АН Армении, 1992.

хотя «христианская церковь окрасила своим религиозным мирозерцанием все верования карабахского крестьянина», все же «из-под христианской оболочки еще сильно выступают в Нагорном Карабахе отдельные частицы языческого ядра, всех стадий исторического развития»³³. Практике почитания святилищ, расположенных на горных перевалах, С.Д. Лисициан посвятил отдельную статью, где рассматриваются памятники, расположенные в Зангезуре (Армения)³⁴. Тем же представлениям, в частности, поверьям, связанным с локальными святынями, уделил внимание Г.Ф. Чурсин в своем очерке «Армяне Зангезура»³⁵.

В 1930 г. выходит в свет небольшое исследование И.П. Петрушевского³⁶, посвященное дохристианским верованиям карабахских крестьян. Целью автора было выяснить соотношение христианского и дохристианского компонента в верованиях сельского населения региона, он намеревался «искать подлинные верования народа в нижних этажах религиозной идеологии»³⁷. И.П. Петрушевский исходит из допущения, что религия карабахского крестьянства – и христиан, и мусульман, отличалась от религии социальной верхушки. По его мнению, церковь и прочие религиозные институты простому народу были не нужны.

Современные исследователи, например, Г. Чилингирян (Оксфорд, Великобритания), основываясь на полевых данных и архивных источниках доказывают, что упразднение Арцахской епархии Нагорного Карабаха встретило недовольство не только среди духовенства, но и среди населения³⁸.

В 1940 г. выходит уникальное в своем роде исследование В.А. Петрова «Этноботаника Нагорного Карабаха»³⁹, которое основано на материалах экспедиции 1934-1937 гг. Его основная задача состояла в том, чтобы изучить растения, которые использовались в хозяйстве и быту в тесной связи с народными

³³Там же. С. 134-135

³⁴Лисициан С.Д. «Святыни» у перевалов//Советская этнография. 1936. № 4-5. С. 200-212

³⁵Чурсин Г.Ф. Армяне Зангезура (Краткий этнографический очерк). Отдельный оттиск из «Научных записок» т. 1 под редакцией А.А. Болотникова и Н.М. Степаньяна. Вып. 6. Тифлис, 1931

³⁶Петрушевский И.П. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха//Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Историко-этнографическое и археологическое отделение. Баку, 1930. Т. 1. Вып. 5. С. 1-43

³⁷Там же. С. 2

³⁸Tchilingirian H. Religious discourse and the church in Mountainous Karabakh 1988-1995//Revue du monde arménien moderne et contemporain. 1997. Vol. 3. P. 70-71

³⁹Петров В.А. Этноботаника Нагорного Карабаха. Баку, 1940

верованиями, фольклором и религиозными практиками.

И.А. Басегян и Э.Л. Мелконян рассматривали символические аспекты функционирования сельских поселений советской Армении⁴⁰. Сосуществование пережитков и христианства они рассматривают в рамках оппозиции «культура-природа»: границы «контролируемого пространства» совпадали с границами всего поселения, «где и происходит водораздел между сакральным, окультуренным и профанным, т.е. всем тем, что находится на периферии культуры»⁴¹. Это замечание относится к локальным святыням, которые, действительно, чаще располагаются за пределами поселения.

Другой армянский ученый, А.С. Саакян⁴², рассматривает такую специфическую черту религиозной жизни армян, как ярко выраженный культ креста. Применительно к этой проблематике он приходит к выводу относительно «народной версии» христианства среди армян. При этом решающую роль в христианизации народа автор видит в культе местных святых: они представляли собой «локальные варианты» Христа, назывались «наследниками» ряда богов языческого пантеона. В том, что традиция почитания святых мест сохранялась в Нагорном Карабахе и в XX в., позволяет убедиться исследование Ш. Мкртчяна⁴³.

В 1996-1998 гг. в журнале «Religion, State and Society» (Великобритания) вышли три статьи Феликса Корли⁴⁴, посвященные армянской церкви в советский период. Особое внимание автор уделяет проблеме взаимодействия церкви и власти. Все три статьи основаны на архивном, публицистическом и литературном материале. Однако круг источников, задействованных автором, далеко не полный. Кроме того, в его работах не раскрыта тема взаимоотношения церкви и интеллигенции и как это отражалось на

⁴⁰Басегян И.А., Мелконян Э.Л. Символические аспекты функционирования сельских поселений//Культура жизнеобеспечения и этнос/Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1983. С. 129-133

⁴¹Там же. С. 132

⁴²Саакян А.С. Культ креста в контексте армянского народного христианства//СЭ. 1991. № 2 Указать стр.

⁴³Мкртчян Ш. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван, 1988

⁴⁴Corley, F. (1996) "The Armenian Church under the Soviet Regime. Part 1: The Leadership of Kevork", Religion, State and Society 24(1): 9-53; Corley, F. (1996) "The Armenian Church under the Soviet Regime. Part 2: The Leadership of Vazgen", Religion, State and Society 24(4): 289-343; Corley, F. (1998) "The Armenian Church under the Soviet and Independent Regimes. Part 3: The Leadership of Vazgen", Religion, State and Society 26(3/4): 291-355

взаимоотношениях ААЦ и общества.

В 2009 г. в Армении вышел еще один очень важный труд по истории армянской церкви – «Социально-политическая жизнь армян Карабаха и Арцахская епархия ААЦ»⁴⁵. В этой работе исследуется один из самых интересных и драматичных периодов в истории Карабаха – с 1901 до 1933 г., когда Арцахская епархия была ликвидирована. Вместе с тем, в работе не отражены материалы российских архивов.

В 2008 г. была издана книга известного культуролога и археолога Гамлета Петросяна (Ереванский государственный университет) «Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика»⁴⁶ – наиболее полное и обобщающее исследование о хачкарах – каменных стелах с резным изображением креста. Автор исследует это оригинальное явление армянской культуры с точки зрения его возникновения, складывания иконографии, особенностей иконографии в разных областях Армении и символического значения.

В 2011 г. вышла книга Н.Р. Шахназарян «В тесных объятиях традиции: патриархат и война»⁴⁷. Объектом ее исследования стало послевоенное общество Нагорного Карабаха, работа основана на продолжительных полевых наблюдениях. Целью автора было отразить современную гендерную композицию населения региона, чтобы проанализировать существующие гендерные установки.

В работе над диссертацией крайне полезным оказался изданный в 2014 г. сборник статей «Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice»⁴⁸ под редакцией Александра Агаджаняна (РГГУ). Разные статьи сборника так или иначе относятся к теме социальной, политической и культурной роли религии в современной Армении, равно как и освещают собственно разные аспекты религиозной жизни.

Большое значение в развитии арменоведения в России имеют работы А.Е. Тер-Саркисянц, которая посвятила множество публикаций разным аспектам

⁴⁵Абрамян Г. Социально-политическая жизнь армян Карабаха и Арцахская епархия ААЦ (1901-1933). Эчмиадзин, 2009 (на арм. яз.)

⁴⁶Петросян Г. Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван, 2008

⁴⁷Шахназарян Н.Р. В тесных объятиях традиции: патриархат и война. СПб., 2011

⁴⁸Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice. London: Routledge, 2014

культуры и истории армян. Особо следует выделить трие крупных обобщающих труда – «Армяне. История и этнокультурные традиции»⁴⁹, «История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в.»⁵⁰ и упомянутая выше монография – «Армяне Нагорного Карабаха. История, культура, традиции»⁵¹, являющаяся итогом многолетних полевых и архивных исследований автора.

Исследования, посвященные Армении и Нагорному Карабаху развивались как в русскоязычной, так и в армяноязычной историографии в советский и постсоветский периоды. В настоящее время актуальна такая проблематика, как значение церкви и христианского вероучения в жизни людей, ее место и роль в социальной, политической, культурной жизни Армении, Нагорного Карабаха и диаспоры, а также миссионерская деятельность⁵². Актуальной темой стало распространение идей неоязычества⁵³, новых религиозных движений и сект.

Изученная литература стала важной базой в исследовании темы религии в современном обществе, религиозных практик и традиций, взаимодействия церкви и общества. Ее анализ позволил увидеть широкий спектр исследовательских подходов – от постановки общих проблем взаимодействия религии и власти до конкретных традиций. Вместе с тем, работа с литературой позволила обнаружить, что религиозные практики армян Нагорного Карабаха до сих пор остаются относительно малоизученными. Даже в новейших фундаментальных обобщающих работах, посвященных истории и культуре региона, этот сюжет практически не представлен.

Источниковая база исследования включает в себя полевые материалы, архивные документы, а также широкий круг опубликованных письменных и аудиовизуальных источников.

Основой исследования послужили **полевые материалы**, собранные в

⁴⁹ Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998.

⁵⁰ Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература РАН, 2005; 2-е изд. М.: Восточная литература РАН. 2008.

⁵¹ Тер-Саркисянц А.Е. Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции. М.: Русская панорама, 2015

⁵² Tchilingirian H. Modern "Believers" in an Ancient Church//Arméniens et Grecs en diaspora: approches comparatives (Édités par M. Bruneau, I. Hassiotis, M. Hovanessian et C. Mouradian). Athenes: E.F.A 2007. PP. 491-508

⁵³ Антонян Ю.Ю. «Воссоздание» религии: Неоязычество в Армении//Laboratorium. 2010. № 1 (soclabo.org); последнее обращение 09.01.2015 г.

Нагорном Карабахе в 2012 и 2017 гг. Информация собиралась в пяти районах: Аскеранском, Мартакертском, Мартунинском, Гадрутском и Шушинском. В 2012 году были посещены 22 села в четырех районах⁵⁴. Некоторые из этих мест посещались не впервые. В 2017 году полевая работа в основном заключалась в сборе интервью в Степанакерте, а также в наблюдениях в городе Шуши и селе Дрмбон.

В исследовании были использованы такие методы как неформализованное интервью по заранее составленному опроснику, наблюдение, описание памятников религиозного культа и фотографирование. Составлялись подробные описания святых мест («сурбов»). В общей сложности это 22 памятника. В имеющихся источниках и литературе найдено более 200 таких святынь, которые буквально разбросаны по всему Карабаху. Некоторые из описанных мест ранее в доступной литературе не упоминались.

В 2014 году по тематике исследования было проведено несколько интервью, которые затрагивали широкий круг вопросов, относящихся к диссертации. Это интервью с историком из Атерка Микаелом Агаджаняном, который опубликовал исследование по истории родного села⁵⁵. Еще одно интервью было проведено с начальником Отдела по охране и изучению памятников истории и культуры Управления по туризму при правительстве Карабаха Славой Саргсяном. Личные встречи с директором архивов и музея Эчмиадзина о. Асохином Карапетяном также помогли мне в постановке исследовательских вопросов.

В 2017 году было проведено несколько интервью с важными представителями церкви – главой Арцахской епархии архиепископом Паргевом, главой Центра христианского воспитания Арцахской епархии дьяконом Артуром Хунояном (сейчас – священник Месроп Хуноян), а также со старейшим священником ААЦ отцом Егише, который много рассказывал о церкви в советский период.

⁵⁴Атерк, Вагуас, Колатак и Члдран в Мартакертском районе; Вардазор (Пирджамал), Дашушен, Кармир гюх, Нахиджеваник, Сарушен, Шош в Аскеранском районе; Гиши, Гузе Чартар, Кармир шука, Сос, Схторашен, Тагавард, Хнушинак, Чартар, Шехер в Мартунинском районе; Азох, Драктик и Тох в Гадрутском районе.

⁵⁵Агаджанян М. Атерк. История с древнейших времен до наших дней. Степанакерт: «Дизак-Плюс», 2012 (на арм. яз.)

В 2013 и 2015 г. состоялись поездки в Иран, которые позволили достаточно хорошо изучить жизнь местной армянской общины и понаблюдать за религиозной жизнью. В 2014 г. с той же целью была поездка в Ливан, а в 2015 г. – в Турцию. В этих государствах исторически существуют армянские диаспоры, культурно различающиеся между собой (ареал восточноармянской культуры и ареал западноармянской культуры). Важно было наблюдать разницу в бытовании тех или иных традиций (например, матаха), в праздничных обрядах, а также наблюдать коллективные религиозные ритуалы (в частности, литургию в память о жертвах геноцида армян). Я рассказывала армянам в этих странах про религиозные традиции Карабаха, наблюдала их реакцию.

Второй важнейший массив источников – это **материалы архивов**. Преимущественно материалы по истории ААЦ в советский период. Были изучены фонды Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме Центрального исполнительного комитета СССР (1929-1938) и Совета по делам религий при Совете министров СССР (1943-1991). Фонды этих организаций хранятся в Государственном архиве Российской Федерации. Всего в диссертации используются материалы 18 дел, относящихся практически ко всему периоду существования советского государства.

В Российском государственном архиве социально-политической истории задействован фонд № 157 – документы Михаила Григорьевича Цхакая (1865-1950), который был председателем Президиума ЦИК Грузинской ССР и одним из председателей ЦИК Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (1922-1936). Изученные дела представляют собой оперативные сводки и отчеты местного ГПУ. В некоторых из этих отчетов сообщается о состоянии религиозных организаций, о выступлениях за или против религии и духовенства. Все сводки и отчеты были адресованы руководству Закавказской федерации, в которое входил и М.Г. Цхакая. Именно поэтому был задействован его фонд.

Некоторые интересные источники были обнаружены в архиве Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге. В фонде № 1 этого

музея хранится отчет А.Г. Кобахидзе «Вотивы Сурб Саркиса»⁵⁶, который написан по следам экспедиции в Армению в 1932 году. В отчете описан культ святого Саркиса и вотивы, которые исследователю удалось собрать недалеко от села Барана (Ноемберянский район, марз Тавуш). В августе 2014 года был посещен архив и библиотека Эчмиадзина в Армении. Изучение архива оказалось не очень продуктивным, потому что часть документов представляла собой копии тех, что хранятся в Национальном архиве Армении и в Государственном архиве Российской Федерации. Однако часть документов оказалась довольно интересной – они отражали те усилия, которые католикос Вазген I предпринимал в поддержку Карабахского движения.

В работе над диссертацией было задействовано большое количество **опубликованных материалов** на русском, армянском, английском и персидском языках. Рассмотрим их по хронологии и типологии.

В качестве вспомогательных исторических источников были использованы сочинения Мовсеса Каланкатваца и Киракоса Гандзакеци. «История страны Алуанк» Каланкатваца была написана, по разным оценкам, во второй половине VIII в. или в X в. епископом одной из епархий Агванка, это очень ценный исторический источник, содержащий много сведений не только о политической, но и церковной истории Агванка⁵⁷. В «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци (1200-1271) освещены события XIII в., в том числе из истории Агванского католикосата, преемницей которого была Арцахская епархия ААЦ⁵⁸.

Сочинение епископа Макара Бархударянца «Арцах» (Баку, 1895, на арм. яз.) появилось в результате длительных путешествий автора по всей территории Карабаха. Первый перевод на русский язык вышел в 2009 г.⁵⁹ В книге встречается большое количество подробных описаний святых мест, храмов и монастырей. Работу М. Бархударянца дополняют «Путевые заметки», написанные по следам путешествия из Тифлиса в Карабах протоиерея Егише Гехамянца (Айкуни),

⁵⁶Музей истории религии АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Арх. 114

⁵⁷Каланкатваца, Мовсес. История страны Алуанк. Пер. с древнеарм. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. Публикация на сайте «Библиотеки "Вехи"»: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/>

⁵⁸Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

⁵⁹Бархударянец М. Арцах. СПб., 2009

предпринятого в 1885 г.⁶⁰ Источник впервые издан в полном виде в 2010 г. и на русский язык пока не переведен.

Среди этнографических описаний следует выделить тома «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшиеся в Тифлисе Управлением Кавказского Учебного округа с 1881 г. В этих томах содержится множество ценных данных, поскольку они писались, в основном, местными учителями – очевидцами тех или иных событий. Мною были использованы описания следующих сел Нагорного Карабаха – Гадрута⁶¹, Чайкенда (Геташен)⁶², Кусапата⁶³, Чанахчи (Аветараноц)⁶⁴, Даш-Алты (Каринтак)⁶⁵, а также сел соседнего Зангезура –Татев⁶⁶, Арцеваника⁶⁷, общие сведения о Зангезуре, информация об отдельных обычаях и традициях.

Для написания исторического очерка были привлечены исторические сочинения и одна публицистическая работа – «Меликства Хамсы» («Խամսի մելիկեթի յայնչապատմութիւն») ⁶⁸видного армянского писателя-романиста Раффи (Акопа Мелик-Акопяна, 1835-1888). Это сочинение посвящено политической истории армянских меликств (княжеств), существовавших на территории Карабаха, а также содержит много ценных сведений по истории Агванского католикосата и Арцахской епархии ААЦ.

Незаменимым источником стала небольшая книга армянского историка, публициста и писателя Лео (А.Г. Бабаханяна) – «Записки паломника»⁶⁹. В ней он подробно описывает, как отправился в паломничество на гору Дизапайт (одно из самых почитаемых мест в Карабахе) летом 1884 г. Этот источник интересен не

⁶⁰Егише (Оваким) Гехамянц (Айкуни). Путевые заметки. Ереван, 2010 (на арм. яз.)

⁶¹Давидбеков И. Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда // СМОМПК. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 153–192.

⁶²Джейранов Ф.И. Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда той же губернии // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отдел II. С. 59-100.

⁶³Израелов Г. Село Касапет Елисаветпольской губернии Джеванширского уезда // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 13. С. 42–58.

⁶⁴Мелик-Шахназаров Е. Из древностей села Чанахчи // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. 19.

⁶⁵Осипов Г. Селение Даш-Алты Шушинского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 101–136.

⁶⁶Григоров Н. Село Татев Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 13.

⁶⁷Мелик-Шахназаров Е. Селение Арцеваник Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25.

⁶⁸Раффи. Меликства Хамсы 1600-1827. Материалы для новой армянской истории. Пер. Л.М. Казаряна. М., 2009

⁶⁹Лео. Записки паломника. Шуши, 1885

столько описаниями паломничества, сколько информативными наблюдениями о жизни крестьян. Именно эти наблюдения позволяют понять саму суть культуры паломничества.

Уже упоминавшиеся выше сочинения Ерванда Лалаяна («Гавар Дизак»), С.Д. Лисициана, И.П. Петрушевского, В.А. Петрова, Ш. Мкртчяна использовались и как источники, поскольку все они содержат множество полевых данных, зафиксированных их авторами в ходе экспедиций 1920-1930-х гг. Очень важным источником являются публикации А.Е. Тер-Саркисянц по Нагорному Карабаху⁷⁰, т.к. они основаны на ценных полевых материалах и наблюдениях автора.

В качестве источника был задействован рассказ известного азербайджанского историка и этнографа Алескера Алекперова (1895-1938) – «Пир», цель которого – изобличить традицию почитания сельских святынь, *пиров*. В целом пафос произведения направлен на развенчание религии и наиболее близких народу религиозных обычаев.

Также использовались сочинения Мариэтты Шагинян и Андрея Битова. В сборнике очерков и путевых заметок «Советское Закавказье»⁷¹ Мариэтта Шагинян описывала жизнь молодой советской страны. Первая поездка состоялась в 1922 г. по заданию газеты «Правда». Затем она продолжала собирать материал в начале 1940-х гг. Книга увидела свет в 1946 г. В «Уроках Армении» Андрея Битова⁷², которые были написаны несколько десятилетий спустя, тоже есть наблюдения о религиозности жителей советской Армении.

Очень важным источником для настоящего исследования стала публикация архивных документов, относящихся к истории Арцахской епархии ААЦ с 1813 по 1933 год⁷³. Этот том является продолжением целой серии изданий архивных материалов по истории ААЦ.

⁷⁰Тер-Саркисянц А.Е. Сельская семья у армян Нагорного Карабаха: основные тенденции развития//Семья. Традиции и современность. М., 1990; Ее же. Полевые исследования в Нагорном Карабахе//Полевые исследования ИЭА РАН. М., 2002; Ее же. Этнокультурное развитие карабахских армян в постсоветский период//Лавровский сборник. СПб., 2009

⁷¹Шагинян М. Советское Закавказье. Очерки. Ереван, 1946

⁷²Битов А. Уроки Армении. Ереван, 1978

⁷³Документальные материалы по истории армянской церкви. Книга 9. Арцахская епархия Армянской апостольской церкви (1813-1933 гг.). Сост. и предисловие С. Бейбудян. Ереван: «Воскан Ереванци», 2001

Активно были задействованы изданные в Степанакерте государственные списки памятников всех районов Карабаха. Они представляют собой таблицы, перечисляющие памятники населенных пунктов соответствующих районов с датировками и координатами. Списки были изданы в 2011 г.⁷⁴ Они учитывают памятники разного характера, в том числе и святые места. (что они были изданы в 2011 г., поднять выше, после слова в 1 строчке абзаца «в Степанакерте».

Вспомогательными материалами послужили публикации Интернет-сайтов изданий «Анив», «Ноев ковчег», телеканалов «Арцах-ТВ» и «Шогакат», журнала «Window: View of the Armenian Church», который издавался в начале 1990-е гг. в США.

Интересные этнографические описания мне попались и в художественной литературе. Упомяну роман Курбан Саида «Али и Нино»⁷⁵ и две книги иранской писательницы армянского происхождения Зои Пирзад (роман «Я выключу свет» и повесть «Один день до Пасхи»)⁷⁶.

Таким образом, в работе над диссертацией был привлечен широкий круг источников: полевые, архивные материалы, публицистика, литературные произведения, публикации в СМИ, которые позволили проанализировать исследуемую проблематику и в современности, и в исторической перспективе.

Цели и задачи. Цель работы – на основе все изученного материала описать и определить место религии и традиционных народных практик в культуре карабахских армян, а также проследить динамику изменения религиозных практик на современном этапе. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

1. Сформировать источниковую базу в рамках заявленной темы и в соответствии с хронологией исследования с привлечением материалов

⁷⁴Պետական ցուցակ Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության Ասկերանի շրջանի պատմության և մշակույթի անշարժ հուշարձանների. Ստեփանակերտ, 2011 թ.; Պետական ցուցակ... Հաղորդի շրջանի... հուշարձանների. Ստեփանակերտ, 2011 թ.; Պետական ցուցակ... Մարտակերտի շրջանի... հուշարձանների. Ստեփանակերտ, 2011 թ.

⁷⁵Курбан Саид. Али и Нино. Пер. Мирза Гусейнзаде. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014

⁷⁶Пирзад З. Я выключу свет. Тегеран: «Марказ», 2008; Ее же. Один день до Пасхи//Пирзад З. Три книги. Тегеран: «Марказ», 2002 (на перс. яз.)

центральных архивов РФ и Республики Армения, полевых данных. Выявить и проанализировать существующие в историографии работы, затрагивающие различные аспекты темы диссертации, посвященные истории Армении, истории ААЦ, истории Карабаха, антропология религии.

2. Проследить, как менялось положение Армянской апостольской церкви (ААЦ) на протяжении XX-начала XXI века, а также определить специфику истории Арцахской епархии ААЦ, которая охватывала Карабах.
3. Описать основные религиозные практики армян Нагорного Карабаха. Проследить динамику изменений комплекса этих практик в советский период и на современном этапе.
4. Определить, насколько религиозные практики и представления о них подвержены изменениям под влиянием внешних факторов. В данном случае – образовательной, воспитательной и просветительской работы церкви.

Научная новизна. Научная новизна диссертации заключается в следующем. Во-первых, в работе преодолевается недостаток опубликованных ранее трудов по проблематике религиозных практик как низового уровня верований и культа. Связанные с повседневными религиозными практиками армян сюжеты вплоть до XXI века далеко не в полной мере были представлены в отечественных исследованиях, а многие аспекты этих практик оставались неизученными и нераскрытыми. Особенно остро этот недостаток ощущался в этнологических и антропологических трудах в период существования СССР.

Во-вторых, религиозные практики представлены как компонент процесса формирования общественного сознания армян Нагорного Карабаха и на обыденном, и на религиозно-мифологическом уровнях. Речь идет, прежде всего, о социально-антропологическом аспекте бытования практик в жизни социума, в

силу исторических причин обособленного от основной этнической территории и ААЦ, со всеми особенностями, определенными этим обстоятельством.

В-третьих, в работе на конкретном историческом материале решена проблема социально-антропологической динамики, то есть соотношения преемственности и изменчивости в религиозных практиках армян Нагорного Карабаха в контексте развития армянского локального социума в период со второй половины XIX до начала XXI в. Эта проблема поставлена и решена с опорой на архивные документы, а также на впервые вводимые в научный оборот авторские полевые материалы.

В-четвертых, в диссертации предлагается комплексное представление об отношении общего и особенного (локального) в повседневных религиозных практиках карабахских армян. Этот сюжет также представлен как особая грань во взаимодействии ААЦ и Арцахской епархии.

Теоретическая и практическая значимость. Источниковедческие материалы, представленные в диссертации, а также результаты исследования могут стать основой для дальнейших разработок представленной темы в самом широком понимании – от конкретно-исторических сюжетов до постановки проблемы о векторах эволюции религиозного сознания в современных обществах. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы для подготовки учебных курсов и учебников университетского уровня.

Методология и методы исследования. В основу работы положены принципы историзма и научной объективности. Историзм понимается нами следующим образом. Во-первых, рассмотрение проблем представлено в хронологическом порядке и затрагивает период с конца XIX до начала XXI века. Во-вторых, все сюжеты, связанные с религиозными практиками, рассматриваются с учетом всех иных, присущих историческому периоду реалий, – прежде всего, социальных и политико-идеологических. В этой связи главная задача – опираясь на письменные источники, определить специфику каждого периода –

дореволюционной эпохи (по источникам конца XIX-начала XX века), советского (в данном случае применительно к Карабаху финальной точкой можно назвать 1991 год, когда распался СССР), современности (полевые материалы, которые собирались автором в последние годы). Метод контент-анализа позволяет учитывать частоту встречаемости в источниках упоминаний о святых местах, об особенностях религиозной жизни армян региона.

Степень достоверности и апробация результатов. Некоторые результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях:

1. «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 27-29 марта 2014 г. **Тема доклада:** «Почитание святых мест как элемент религиозных практик армян Нагорного Карабаха».
2. «Этнография Кавказа: методологические установки и исследовательская практика советского периода (к 100-летию С.Ш. Гаджиевой)», Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2014 г. **Тема доклада:** «Изучение религиозных практик в советском кавказоведении (на примере Нагорного Карабаха)».
3. Полевой семинар кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015 г. **Тема доклада:** «Религиозные общины Тегерана».

Структура работы. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, обозначены хронологические и географические рамки, поставлены цели и задачи, представлены методология, научная новизна и практическая значимость исследования, дается развернутый анализ использованных источников и обзор историографии.

Первая глава «Армянская апостольская церковь в XX-XXI вв.» посвящена особенностям положения ААЦ в советский период в сравнении с другими религиозными институтами. В главе также рассматриваются особенности исторического опыта Арцахской епархии ААЦ. Отдельно выделена тема взаимоотношений церкви и творческой интеллигенции в советский период.

В главе указывается на ту большую роль, которую ААЦ играла в истории армянского народа, ведь крещение Армении в начале IV в. стало одним из столпов идентичности. Более того, своей паствой ААЦ считает абсолютно всех армян. На протяжении своей долгой истории церковь много раз переживала серьезные кризисы. Не стал исключением и советский период. При этом главной особенностью ААЦ по сравнению с другими религиозными организациями было то, что большая часть ее паствы жила за пределами СССР.

На основе изучения исторических документов видно, что до начала 1940-х гг. положение армянской церкви было близким к полному развалу: закрылись практически все епархии, а Эчмиадзин – главный центр ААЦ, практически опустел. 1920-1930-е гг. стали временем массового закрытия церквей, репрессий в отношении священников и лидеров церкви. Как свидетельствуют архивные документы, отношения ААЦ и советской власти до определенного момента складывались враждебно: «советизацию Армении большинство духовенства армяно-григорианской церкви также встретило враждебно, все время пытаясь на этой почве установить связи с дашнакской эмиграцией». Про католикоса Хорена I (1932-1938) говорилось, что он «в своей деятельности стоял на антисоветских позициях». Его последователь и местоблюститель престола Геворг Чорекчян «стал проводить политику внешне лояльного отношения к советской власти, главным образом опасаясь возможных репрессий за антигосударственную деятельность»⁷⁷.

В 1938 г. католикос Хорен I умирает, однако в Эчмиадзине любой человек скажет, что глава церкви был задушен за антисоветские взгляды. Разрешение на выборы нового католикоса было дано лишь в 1945 г., когда состоялась

⁷⁷ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4, Д. 13. Л. 8об.

единственная встреча архиепископа Геворга Чорекчяна с И.В. Сталиным. Еще до этого наметился либеральный поворот советской политики в отношении религии. В случае с ААЦ он был связан с тем, что церковь организовала сбор денег на танковую колонну «Давид Сасунский», которую передали армии. При этом значительная часть средств поступила из зарубежных армянских общин. В 1943 г. был создан Совет по делам армяно-григорианской церкви. Он был учрежден «для осуществления связи между СНК Армянской ССР и католикосом всех армян по вопросам Эчмиадзина, требующим разрешения правительства Армянской ССР»⁷⁸.

В преддверии выборов католикоса были восстановлены шесть епархий, а Эчмиадзинский монастырь отреставрировали, чтобы зарубежные гости не видели разруху, царившую здесь много лет. В 1944 г. была вновь открыта духовная академия Эчмиадзина. А в 1945 г. архиепископ Геворг был избран католикосом под именем Геворга VI. Одно из важнейших событий его правления – кампания по репатриации армян из зарубежных стран (в основном с Ближнего Востока и из стран Восточной Европы), идейным вдохновителем которой был И.В. Сталин. В Армению переселилось около 100 тыс. армян, которые в том числе привезли с собой новое, более почтительное отношение к церкви и религии.

Геворг VI скончался в мае 1954 г. В 1955 г. был избран новый католикос – Вазген I (уроженец Бухареста Левон Палчян). Его служение как главы церкви продлилось до 1994 г. Этот период – весьма важный этап в истории ААЦ. Положение церкви становилось все более стабильным и уверенным, рос ее авторитет в республике. Вазген I, преданный церкви харизматичный лидер и при этом умелый политик, сумел наладить диалог с властями СССР таким образом, чтобы это шло на пользу церкви. Постепенно увеличивалось число действующих храмов и священников, весьма активными были контакты с зарубежными армянскими общинами. Более того, Вазген I пользовался уважением в среде творческой интеллигенции и среди руководства республики. Все это привело к тому, что принадлежность к ААЦ постепенно вновь стала одним из маркеров

⁷⁸Цит. по: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. С. 350

этнической идентичности. Крещение и венчание стали частью процесса социализации для множества армян в СССР. Советское руководство также ожидало, что ААЦ будет создавать положительный образ СССР за границей и показывать, что в стране существует свобода вероисповедания.

Конец 1980-х гг. принес большие потрясения и перемены: начало Карабахского движения, землетрясение в Армении, а спустя несколько лет и распад СССР. Вазген I, который был поначалу сторонником сохранения единого советского государства, в итоге склонился к тому, чтобы поддержать карабахских армян и движение за независимость в самой Армении. Смерть Вазгена I в августе 1994 года обозначила конец целой эпохи. С избранием его преемника Гарегина I в истории ААЦ начался новый период.

Второй параграф главы посвящен отношениям армянской церкви и интеллигенции. В первую очередь указано, что в Эчмиадзине существовал Верховный духовный совет, в который избирались миряне – обычно видные представители интеллигенции, в том числе профессора университетов. Наибольшее внимание уделено личности музыканта и архитектора Артура Месчяна – основоположника рок-музыки в Армении, чья слава началась в 1960-е гг. Он был известен своей близкой дружбой с католиком Вазгеном I, который поддерживал его музыкальную группу. Кроме того, внимание уделено личности оперной певицы Лусине Закарян, всенародной любимицы, которая пела в хоре кафедрального храма Эчмиадзина. Важно, что это не было формой протеста, а выглядело вполне естественным решением. Десятки людей, и верующих, и атеистов, приезжали на воскресную литургию в Эчмиадзин, чтобы послушать ее исполнение.

Заключительный параграф посвящен рассмотрению своеобразия истории Арцахской епархии ААЦ. Сразу стоит отметить, что епархия была упразднена в начале 1930-х гг. и, несмотря на усилия главы церкви, открыть ее не удалось вплоть до 1989 г., когда восстановление Арцахской епархии произошло на одной волне с Карабахским движением. До этого все попытки открыть хотя бы одну

церковь блокировались Баку. Восстановление епархиального управления на этой территории имело свои особенности, поскольку речь шла как бы о повторной катехизации (или даже христианизации) населения, которое долгие годы было вне прямого церковного влияния.

Распространение христианства на территории современного Карабаха началось довольно рано, еще в I в. После крещения Армении сюда был отправлен «собственный просветитель» – внук Григория Просветителя Григорис. Его захоронение сейчас находится на территории монастыря Амарас в Мартунинском районе. Здесь же открылась одна из первых школ, где обучали армянской письменности вскоре после ее создания Месропом Маштоцем(V в.). Главной особенностью Карабаха является то, что здесь существовала собственная церковная традиция и свой Агванский католикосат, который большую часть истории держался обособленно по отношению к престолу католикоса всех армян. Традиция была прервана лишь в начале XIX века, когда после присоединения этой территории к Российской империи католикосат стал епархией в подчинении Эчмиадзинского католикосата. Вместе с советской властью приходит окончательный упадок, и на несколько десятилетий существование епархии прекращается. Таким образом в религиозной жизни местное население было предоставлено само себе. В 1989 г., на волне национального подъема, люди в Карабахе потянулись к церкви, именно здесь она сумела за два-три десятилетия завоевать заметный авторитет в обществе.

Борьба с религией в СССР довольно быстро приняла вид механизмов, позволявших религиозным институциям существовать в жестких рамках и при этом даже приносить определенную пользу государству. В целом к середине 1950-х гг. ААЦ пришла к довольно комфортному для себя балансу взаимоотношений с советской властью, что обеспечило относительно большую степень религиозной свободы в Армении. Однако это не затронуло Карабах, поскольку на территории автономии, как уже было сказано выше, были закрыты все церкви.

Вторая глава «Религиозные практики и народные традиции» посвящена исследованию конкретных религиозных практик карабахских армян. Указывается, что центральным понятием является «сурб» – святое место, которым может быть монастырь, церковь, хачкар, ландшафтный объект. *Сурбы* могут иметь как сугубо локальное значение, например, относиться к конкретному селу, так и быть широко почитаемым объектом (крупные храмы и монастыри, известные хачкары). В частности, показано, что традиция паломничества к разного рода святым местам оставалась актуальной на всем протяжении советского периода и даже нередко носила массовый характер.

Отдельный параграф главы посвящен описанию сельских святынь Нагорного Карабаха. Каждый из этих памятников интересен по-своему. Например, *Сурб Сарибек* – один из наиболее часто упоминаемых в источниках *сурбов*, известный минимум с последней четверти XIX в. Он находится в селе Дашушен (Карашен) Аскеранского района и считается местом захоронения некоего мученика. Чаще всего в легендах фигурирует мусульманин, принявший христианство и за это убитый соплеменниками. *Сурб* был почитаем среди мусульман и христиан. До революции здесь даже было организовано дежурство священника, а число жертвоприношений в год исчислялось многими сотнями. Святыня представляет собой группу хачкаров, сложенных в ограде у дерева. И это довольно типичная картина: как правило, сельская святыня – это хачкар, нередко приставленный к дереву, и родник (если есть). Среди почитаемых объектов много некогда действовавших храмов (например, *Егиша кус* в селе Сос). Статусом святыни может обладать и природный объект. Промером может послужить 2000-летний платан у села Схторашен в Мартунинском районе. Он служит местом совершения жертвоприношения.

Важно подчеркнуть, что все эти локальные и региональные святыни имеют множество значений – это и почитаемые места, и памятники истории и культуры, и туристические объекты, и места для отдыха. Некоторые из них включены в число объектов, охраняемых государством. То есть речь не идет о сугубо

религиозных памятниках – это места, в которых каждый находит свой смысл. Кто-то искренне верит в силу *сурбов*, кто-то устраивает рядом пикники, кто-то привык видеть в них привычный элемент окружающего родную деревню ландшафта.

Второй параграф посвящен традиции паломничества. Он опирается на источник конца XIX в. («Записки паломника» Лео), который описывает паломничество на гору Дизапайт в Карабахе. Описывая быт бедного местного крестьянства, он приходит к выводу, что довольно обременительное для хозяйства ежегодное паломничество – это фактически единственный шанс для крестьянина устроить праздник и пирушку. Другими словами, бедность породила желание раз в год устроить праздник, пусть даже ради этого бедные крестьяне залезали в долги, чтобы купить барана для жертвоприношения. Возможно, именно это и породило не соответствующую церковному канону привычку превращать благотворительное жертвоприношение (*матах*) в пирушку. Кроме того, паломники верили в могущество святыни, которая могла исполнить их просьбы.

Следующий параграф раскрывает значение традиции жертвоприношения с точки зрения как церковного канона, так и народной традиции. С точки зрения церкви, *матах* – это благотворительный жест. Если закладывается животное (петух, баран, бык), то мясо полагается раздать бедным в сыром или сваренном виде. *Матах* также может выражаться раздаче специально испеченного хлеба или лаваша. «Частный», или семейный *матах* может совершаться по большим праздникам, в случае болезни или исцеления кого-либо из членов семьи, по обету, а также в случае благополучного разрешения сложной жизненной ситуации, в случае ухода или возвращения из армии и т.п.

Общественный *матах* – это жертвоприношение, организованное, например, жителями целого села к большому празднику – к Пасхе, Вардаварау (Преображение Господне), Успению или же приуроченное к таким обстоятельствам, как засуха и неурожай, имевшим значение для всего коллектива. Семейный *матах* чаще всего сопровождался закланием барана, а общественный, т.е. общесельский, – нескольких баранов или быка. Сейчас традиция

общественного *матаха* существует, но необязательно бывает приурочена к большим церковным праздникам, он может иметь характер общесельского празднества, а также происходить по случаю каких-либо значительных событий. В Карабахе местом совершения матаха как раз и являются сельские святыни. Поэтому нередко они «оборудованы» беседками со столами и скамьями, что легко превращает их в место отдыха на природе. В тексте приведено описание *матаха* в селе Шехер Мартунинского района.

Говоря о жертвоприношении, нельзя обойти вниманием традицию вотивных приношений. Если опираться на архивные материалы, можно сказать, что еще в начале 1930-х гг. в Армении были распространены вотивы в виде частей тела или органов (в случае, если человек просил об исцелении). Большая коллекция подобных вотив, собранных в разных уголках России, хранится, к примеру, в отделе драгоценных металлов Государственного исторического музея⁷⁹. Сейчас в Карабахе подобная практика не встречается. По-прежнему существуют вотивные приношения (свечи, монеты, иконки, кресты и т.п.), но среди них не встречаются предметы, сделанные в форме тела или частей тела человека. До сих пор бытует представление, что если обращаешься за помощью к той или иной святыне, необходимо сделать какое-то подношение (хотя бы даже такое скромное, как зажженные свечи).

Советский период принес новые традиции. Например, по воспоминаниям респондентов, которые относятся ко второй половине и концу советской эпохи, в Карабахе почти полностью исчезла такая традиция, как *Мерелоц* – день поминовения усопших, который приходился на следующий день после важных церковных праздников (Рождество и Крещение, Пасха, Преображение Господне, Успение Богородицы, Хачверац – Воздвижение Креста Господня). Не так давно эти дни в Армении стали нерабочими. Обычно с утра люди ходят в церковь на поминальную службу, а затем отправляются на кладбище, чтобы почтить память

⁷⁹Подробнее об этом см.: Федорина И.Л. Бытование вотивных подвесок в Каргопольском уезде // Каргополь: Историческое и культурное наследие. Сборник трудов. Каргополь, 1996; Сольвычегодский историко-художественный музей: альбом-путеводитель. М.: «Три квадрата», 2015. С. 162-169

умерших близких. В Карабахе сложилась удивительная традиция, представляющая собой замещение церковного светским, а именно – посещать кладбище после крупных государственных праздников (8 ноября, 1 января, 2 мая, 9 мая). Только недавно, с восстановлением работы церкви, снова стали отмечать Мерелоцкак церковный обычай.

Почитание святых мест – один из ключевых компонентов религиозных практик армян Нагорного Карабаха. Можно предположить, что такое положение сложилось в силу того, что на этой территории десятилетиями не действовала церковь, что в итоге привело к тому, что важнее оказались ритуалы, не требующие участия церкви и поддерживаемые из поколения в поколение. Также важно отметить, что здесь возникали новые традиции, которые сейчас в определенной степени подвергаются изменениям под влиянием работы церкви (например, снова в обиход входит «правильный» Мерелоц).

Третья глава **«Религиозные практики и образовательная работа церкви»** посвящена тому, как народные традиции трансформируются под влиянием образовательной деятельности и проповеди церкви.

В первом параграфе рассматривается опыт преподавания во всех общеобразовательных школах Армении и Карабаха предмета «История армянской церкви». Религиозные уроки в школах появились еще в 1997 г., однако лишь в 2002-2004 гг. этот предмет стал обязательным для преподавания с 4 по 11 класс. По соглашению с правительством Армении, Эчмиадзину принадлежит право определять программу предмета, писать учебники и заниматься подготовкой учителей. Введение этого предмета сопровождалось бурными дискуссиями о том, что если история церкви стала обязательной, то это нарушает принцип светскости образования. Споры вызвал и тот факт, что исторический по своему замыслу предмет первые два года преподавания полностью посвящен Библии и базовым понятиям теологии. В ряде случаев большие вопросы вызывало качество подготовки преподавателей и учебных материалов.

Активная образовательная и просветительская работа ААЦ объясняется тем, какой смысл она вкладывает в понимание своей паствы и целей религиозного воспитания. По словам главы Ширакской епархии архиепископа Микаела Аджапахяна: «Священнослужитель Армянской апостольской церкви в первую очередь проповедует национальное, а затем уже религиозное. <...> Если посмотреть на другие церкви, то у них сначала религиозное, затем национальное. Но армянский священник в сравнении со всем миром представляет собой исключение <...>. Это не просто религиозные уроки, их цель – воспитать человека армянином. А армянин не может не быть христианином, потому что христианство неотделимо от армянского самосознания»⁸⁰.

Во втором параграфе главы кратко описано положение Арцахской епархии ААЦ после 1989 года и до наших дней. С началом Карабахского движения в 1988 г. в качестве уступки Эчмиадзину советские власти разрешают восстановить Арцахскую епархию с центром в монастыре Гандзасар. В марте 1989 г. главой епархии был назначен епископ Паргев (в миру – Гурген) Мартиросян (с 1999 г. – архиепископ). Он занялся восстановлением епархии практически с нуля. Первым начал действовать на территории Карабаха монастырь Гандзасар, где 1 октября 1989 г. была впервые с момента упразднения епархии проведена церковная служба⁸¹. Значение духовного центра епархии по-прежнему сохраняет Гандзасар, однако, по установившейся до революции традиции, резиденция архиепископа находится в Шуши с кафедральным собором СурбАменапркич (Казанчеоц). В 2015 году открылась новая резиденция в Степанакерте. Сейчас в городе действует духовная семинария, информационный центр, центр христианской культуры, в 1991 году в Ереване был создан теологический центр «Гандзасар», публикующий работы богословской тематики.

⁸⁰История армянской церкви. 10 лет в школах. Часть 1 (на арм. яз.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bcLi4ea8qrI>

⁸¹Саркисян С.Т. Энциклопедия Арцах-Карабаха. С. 507

Основная часть параграфа посвящена образовательной работе Арцахской епархии. В Карабахе религиозные уроки стали постепенно вводиться с 1997 г. Чуть позже, после 2002 года, как и в Армении, они стали обязательными и были приведены в соответствие с разработанными Центром христианского воспитания ААЦ стандартам. Здесь используется та же программа и учебники, что и в Армении. В Арцахской епархии есть свой Центр христианского воспитания, который возглавляет дьякон Артур Хуноян.

Обычно учителя по предмету «История армянской церкви» предлагает директор школы, а Центр просто одобряет его выбор, хотя и не всегда с ним соглашается по тем или причинам. Также много значения придается тому, насколько хорошо учитель знает предмет истории церкви и может его преподавать. Кроме того, требование, чтобы преподаватель был последователем ААЦ, является обязательным.

Помимо школьных уроков, которые позволяют охватить все подрастающее поколение, существуют специальные проповеди для взрослых: священники или церковнослужители приезжают в ту или иную деревню, встречаются с жителями, иногда произносят проповедь и отвечают на вопросы.

Проповедь не заканчивается на специально организованных встречах. Священники считают необходимым давать разъяснения в любой необходимой ситуации. Зачастую проповедь церкви успешнее всего действует на молодое поколение.

Заключительный параграф главы посвящен тому, как религиозное образование и воспитание влияет на формирование ценностей (ведь это одна из целей ААЦ). Воспитание человека, а точнее, воспитание человека армянином – это одна из декларируемых задач образовательной и воспитательной работы церкви. Более того, ААЦ претендует на роль охранительницы традиционных морально-нравственных и духовных ценностей. Церковь также поддерживает «традиционную» семью в противовес «западной». В целом отношение общества к

церкви отличается внимательностью и пиететом, поэтому важно понимать, какие ценности она транслирует. «Трансляция» одобряемых церковью ценностей происходит через образование и просветительские мероприятия, через молодежные организации, а также через СМИ и интернет.

Активная просветительская деятельность может постепенно приводить к тому, что какие-то возникшие в народной среде религиозные традиции исчезают или трансформируются, становясь ближе к тому, что правильным считает сама церковь. Это дает понять, насколько религиозные практики пластичны. Сначала они менялись или исчезали под влиянием упразднения епархии и атеистической пропаганды на территории Карабаха, а затем уже – усилиями самой церкви. Например, посещение литургии в начале 1990-х гг., как и большинство церковных таинств, для многих карабахцев было в новинку. Люди, которые тянулись к церкви, довольно долго приучались к тому, чтобы ее регулярно посещать не только ради того, чтобы поставить свечку, но и чтобы приобщиться к литургии и причастию. Вместе с тем, как показывает опыт Артура Хунояна, многие люди не склонны реагировать на замечания священников, апеллируя к унаследованной от старших традиции: «У нас так принято».

В заключении подведены итоги исследования и изложены основные выводы.

Для армянского народа существование ААЦ исключительно важно, потому что это не только религиозный институт, но и культурно-исторический и социально-политический феномен.

В период советской власти армянская церковь сохраняла особое значение в жизни общества. Существование церкви в общественном контексте с навязанной властью и господствующей атеистической идеологией заставляло церковных иерархов искать особые пути взаимодействия с государством. Это наиболее ярко проявилось в деятельности ААЦ в период после 1955 года, когда был избран католикос Вазген I. Он сумел установить в целом комфортный для церкви модус взаимоотношений с властью и обществом. В силу ряда причин (например, то, что

большая часть паствы находилась за пределами СССР, а средства церкви хранились на счетах в зарубежных банках) ААЦ обладала известной степенью свободы в финансовых делах и внешних контактах. Власть шла на уступки, когда от церкви ждали той или иной помощи (например, идеологической поддержки в период проведения кампании по репатриации в середине 1940-х годов). Кроме того, причинами относительного мягкого отношения власти к церкви было то, что деятельность ААЦ затрагивала только этнических армян. Армянская церковь не была занята ни прозелитизмом, ни активной миссионерской деятельностью, поэтому советские власти не видели в ней явной и сильной идеологической угрозы.

История Агванского католикосата и Арцахской епархии ААЦ показывает специфику религиозной истории Нагорного Карабаха. Собственная религиозная традиция сохранялась здесь вплоть до присоединения к Российской империи. На протяжении нескольких десятилетий, еще до революции 1917 года, происходило падение влияния церкви, епархия переживала нелегкие времена, как и весь Карабах и его жители. В 1930-е гг. деятельность ААЦ на этой территории была практически полностью прекращена. В религиозном плане население было предоставлено самому себе. Начавшееся в 1989 г. возрождение церковной жизни, вдохновленное национальным движением, открыло новую страницу истории ААЦ в Карабахе. В условиях, когда действующих церквей не было, заменой церковной религиозности могли выступать иные религиозные традиции, в том числе обращение к внецерковным святыням. Нельзя утверждать, что они смогли стать альтернативой церкви, но, судя по некоторым имеющимся материалам, подобные святыни могли каким-либо образом восполнять ее отсутствие. По крайней мере, нам известны примеры такого «замещения» в других регионах: в северо-западных областях России, где «в послевоенные годы, когда количество действующих сельских храмов было невелико, для многих деревенских жителей местные святыни практически заменили церкви»⁸², к ним приходили молиться и даже крестить детей. В Карабахе можно было наблюдать схожее явление в годы

⁸²Панченко А.А. Исследования в области народного православия. СПб., 1998. С. 77

советской власти, однако такое «замещение» не было буквальным: *сурбы* могли быть местом общения с богом, но не отправления таинств. Для таких локальных святынь, с которыми связаны конкретные памятники, истории и легенды, обычаи и ритуалы, характерна многозначность этнокультурных функций, а не только культово-религиозное значение. Вместе с тем, понятие *сурб* распространяется еще и на церкви, монастыри, хачкары, другие предметы, ассоциирующиеся в глазах людей со святостью.

Помимо выполнения своей религиозной функции святыни являются своеобразными общественными центрами, местами проведения досуга, некоторые – памятниками истории и культуры и даже туристическими объектами. Таким образом, значение *сурбов* исчерпывается исключительно религиозной функцией, хотя она, безусловно, доминирует. Часто одно и то же место может совмещать в себе все эти функции (например, платан у села Схторашен).

Можно предположить, что почитание святых мест существует на какой-то «периферии» социальной и/или личной жизни. Далеко не всегда человеку нужны молитвы или ритуальные действия, чтобы решить те задачи, которые ставит перед ним его повседневная жизнь. Но если случается ситуация, когда человек не до конца контролирует происходящее, то возникает потребность в обращении к святым местам и церкви.

В современной ситуации, как это показано в третьей главе диссертации, ААЦ активно занимается образовательной и воспитательной работой. Сейчас эта работа довольно четко налажена в свете того, что в 2002 г. правительство Армении и ААЦ заключили соглашение о преподавании истории церкви в школах. С тех пор появились единообразная программа для преподавания с 4 по 11 класс и учебники. Церковь видит в детях и молодежи свою основную целевую группу. Воспитанные в христианской традиции молодые люди точно так же воспитают и своих детей, что, по мнению представителей ААЦ, обеспечит преемственность.

Карабах и в этой связи обладает заметным своеобразием. Во-первых, в отличие от Армении, церковь здесь отсутствовала несколько десятилетий, за это время выросло несколько поколений людей, которые никогда не видели литургию

и не знали, как отмечать те или иные христианские праздники. Во-вторых, это небольшой изолированный регион, где Арцахская епархия играет большую роль в общественной и политической жизни, а ее глава архиепископ Паргев обладает довольно большим авторитетом и ресурсами.

Церковь претендует не только на то, чтобы научить людей молиться и посещать храм. Сегодня она видит свою задачу шире. Задача образовательной работы – воспитать человека в национальной армянской традиции. Ведь с точки зрения ААЦ, армянин может быть только христианином и приверженцем своей «родной» церкви.

В Нагорном Карабахе было отмечено еще одно следствие образовательной работы с населением. Под влиянием уроков в школах и встреч со священниками люди меняют свое представление о некоторых поверьях, представлениях и обрядах, то есть, по сути дела, о содержании и предназначении «народных», традиционных и «низовых» религиозных практик. Например, можно отметить отказ прыгать через костер на Дерендез или отказ носить и даже хранить дома амулеты от сглаза, которые раньше были широко распространены. Вопросы, которые ставились в ходе полевого исследования, приносили ответы, из которых можно заключить: сейчас людей все больше интересует как «правильно» исполнять те или иные ритуалы. Таким образом, церковь старается бороться с «неправильными» верованиями и практиками и в то же время объясняет не противоречащее канону значение праздников и ритуалов. Видимо, это приносит свои плоды, хотя этот вывод и нельзя пока распространить на все население Карабаха.

Почитание святых мест сохраняется для карабахских армян как существенная часть локальных традиций. Особенно это относится к сельским святыням, связь с которыми не прерывается, даже когда люди уезжают из Карабаха. Вполне можно говорить о том, что приверженность локальным и общеармянским традициям является одним из способов сохранения идентичности. Именно по этой причине, например, в диаспоре церковь посещают даже те люди, которые называют себя «неверующими». В этом случае очевидно,

что культовая и обрядовая, а шире – социальная –сторона религиозности как особое средство сохранения принадлежности к этнической группе оказывается даже важнее структурированного вероучения и глубины религиозного чувства.

Таким образом, история бытования религиозных практик армян Нагорного Карабаха показывает, что они выступают как многогранный комплекс этнокультурных и социально-антропологических явлений и процессов, имеющий свою динамику, включающую и перспективу развития.

Положения, выносимые на защиту:

1. Со второй половины 1940-х гг. положение ААЦ в СССР было довольно прочным и в то же время отличным от положения иных конфессий. Важной характеристикой ААЦ в сравнении с другими религиозными институтами было наличие огромной паствы за рубежом, где было на 10 епархий больше, чем в пределах СССР. При этом главный центр ААЦ находился в Эчмиадзине, где и принимались все важные решения (исполнявшиеся во всех епархиях, ибо церковь – иерархическая структура). Армянская ССР с 1950-1960-х гг. была относительно свободной в религиозном отношении республикой. Однако это не относилось к Нагорному Карабаху, где с начала 1930-х и до 1989 г. церковь формально не была представлена.
2. Переломным моментом стало начало «Карабахского движения» в 1988 г. на фоне подъема которого в 1989 г. была восстановлена Арцахская епархия ААЦ. Люди в этот период стали воспринимать церковь не только как религиозную институцию, но и как хранительницу национальных ценностей и своеобразный опорный конструкт армянской идентичности. Это стало особенно актуально в условиях вооруженного конфликта.
3. Изучение религиозных практик демонстрирует тот факт, что в повседневной жизни армянского населения Нагорного Карабаха традиция почитания локальных святых мест является центральной. Локальные святыни в восприятии людей являются частью родного села или города,

привычного с детства ландшафта. Внешние проявления этой традиции менялись на протяжении десятилетий, менялось и их восприятие. Однако сам факт существования такой традиции остался неизменным. За советский период в условиях отсутствия церкви выросли поколения людей, которые имели лишь отдаленное представление о церковных праздниках и ритуалах. Все это способствовало актуализации тех практик, которые могли существовать и вне церковного контекста, поддерживались самим социумом и не пресекались со стороны государственной власти.

4. Религиозные практики – это изменчивая реальность. Пример образовательной и просветительской деятельности Арцахской епархии показывает, что народные религиозные практики подвергаются влиянию и своеобразному «редактированию». Большое значение имеет то, какие из этих практик представители церкви считают правильными и соответствующими канону, а какие – отклонением от него. Образовательная и проповедническая деятельность ААЦ приводит к постепенному отказу от некоторых «народных» традиций.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных решением Ученого Совета МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальности 07.00.00 – исторические науки и археология):

1. Багдасарян А.А. Почитание святых мест у армян Нагорного Карабаха в конце XX-начале XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 60-77
2. Багдасарян А.А. Религиоведческие исследования в советском кавказоведении (На примере Армении и Нагорного Карабаха) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2015. № 4. С. 55-67
3. Багдасарян А.А. Армянская апостольская церковь и советское государство: особенности взаимоотношений // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2018. № 1. С. 75-87
4. Багдасарян А.А. Образовательная работа церкви и религиозные практики

(на примере Арцахской епархии Армянской апостольской церкви) //

Человеческий капитал. 2018. № 3. С. 9-17